

Образ Иисуса Христа в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»

Вот уже на протяжении двух тысяч лет личность Иисуса Христа волнует умы и сердца людей. Историки, религиозные организации, деятели искусства ведут нескончаемые споры о том, существовал Христос или нет, если да, то кем он был на самом деле. И эти споры вряд ли когда-нибудь утихнут: ведь Иисус — это не просто человек. Для атеистов или не слишком религиозных людей он является символом христианской веры, которая определяет мировоззрение многих жителей нашей планеты. Для верующих он является Спасителем, сыном Божиим, которому следует поклоняться. Историки изучают эпоху, описанную в Новом Завете, чтобы подтвердить или опровергнуть факт существования Иисуса. Философы с той же целью изучают труды своих предшественников и выдвигают собственные теории.

Не менее интересна фигура Иисуса и для людей, занимающихся искусством. Первые изображения Спасителя представляли собой безличный образ пророка. Однако уже в эпоху Возрождения возник интерес к Иисусу Христу как личности. Об этом свидетельствуют многочисленные картины художников-классиков, где он изображается уже не как Бог, а как человек.

Тем не менее наиболее полно эта тема стала раскрываться только начиная с XX века, когда отношение к религии у большинства людей сильно изменилось. А с середины прошлого столетия можно расширить границы этого вопроса в связи с появлением таких произведений, как рок-опера «Иисус Христос — суперзвезда», фильма «Страсти Христовы». В многочисленных литературных произведениях писатели стали изображать Иисуса так, как они его себе представляют.

Одно из таких произведений — роман «Мастер и Маргарита», вернее, та его часть, которую обычно называют «роман в романе». В изображении автора Иисус здесь не Бог и не сын Бога. Это бродячий проповедник по имени Иешуа и по прозвищу Га-Ноцри. Во второй главе романа, когда мы встречаемся с ним впервые, перед нами предстает «человек лет двадцати семи», одетый «в старенький и разорванный голубой хитон». Это явно бедный, практически нищий человек, однако он находится во дворце одного из самых могущественных людей Иудеи, его родной страны, — прокуратора Понтия Пилата.

Что же бедняк делает здесь? Его привели к римскому наместнику на суд как преступника. Однако перед нами человек, явно не способный на какое-либо преступление. И не потому, что он добр и честен — его высокие моральные качества невозможно выявить сразу, — а потому, что Иешуа слаб.

Для бродячего проповедника это не первый суд: он уже приговорен к смертной казни Священным Синодом. Правда, этот приговор пока не утвержден. За этим-то его и доставили к прокуратору. Однако Иешуа уже испытал побои и унижение, которыми непременно сопровождалась любая судебная процедура в то время. Это видно с первого взгляда: «Под левым глазом у человека был большой синяк, в углу рта — ссадина с запекшейся кровью», а «руки связаны за спиной». И простой человек по имени Иешуа, а не сверхъестественное существо Иисус, испытывает страдания и боится, что его будут бить и унижать снова. Иначе откуда в его взгляде то самое «тревожное любопытство», о котором говорит автор? И откуда покорность, которую он проявляет, когда его начинают бить? Когда Понтий Пилат приказывает «научить» арестованного почтительно обращаться к нему, Иешуа сразу же говорит Крысобою: «Я понял тебя. Не бей меня».

Таким образом, человек, который предстает перед нами, не отвечает классическим представлениям о мученике или герое: он не так смел и не так силен. Однако прокуратор проникается к своему подсудимому симпатией и уважением, которых обычно не стоят слабые в глазах сильных. Почему же тогда для Иешуа Пилат сделал исключение? Вероят-

нее всего, потому, что подсудимый давал совершенно искренние ответы на вопросы, но делал это не потому, что боялся пыток или смерти. Он просто не умел иначе, да и скрывать ему было нечего. Кроме того, он оказался довольно образованным человеком, что сделало его интересным собеседником: ведь Пилат, сам себе удивляясь, начал «спрашивать его о чем-то ненужном на суде». Именно поэтому раздражение, которое прокуратор испытал в начале судебного разбирательства, быстро переросло в удивление и любопытство, а потом и в симпатию к бродячему проповеднику. Кроме того, испытав унижения и боль, Иешуа не захотел унижаться, прося пощады и отказываясь от своих слов, хотя даже сам Пилат подсказывал ему ответ, который мог бы его спасти. И даже ради спасения жизни Га-Ноцри не отказался от своих убеждений.

Каковы же были эти убеждения? Во-первых, Иешуа утверждал, что «злых людей нет на свете». И даже готов был доказать свои слова, казавшиеся прокуратору абсурдными. Он называл добрым даже кентуриона Крысобоя, который бил его, и даже Иуду, который совершил предательство, обрекшее философа на смерть. Эта его убежденность и заставила смягчиться сердца многих людей, включая сборщика податей Левия Матвея, который отказался от богатства и стал летописцем бродячего проповедника. Пилат не поверил этой истории и назвал Иешуа лжецом, однако и сам изменился, выслушав его — такова была сила этого убеждения.

Кроме того, Иисус утверждал, что «рухнет храм старой веры». Именно за эти слова его и присудили к смертной казни, так как они подрывали власть Синедриона и первосвященника Каифы. Именно от этих слов ему было предложено отказаться, однако Иешуа не согласился.

Другой деталью, привлекшей внимание Пилата, стало то, что арестованный излечил его от головной боли, с которой не смогли справиться даже самые лучшие целители. Однако при этом он не называл себя врачом. Кроме того, этот необычный человек говорил, что знает истину, и действительно знал многое о людях, в том числе и о самом Пилате. Ведь он угадал, что прокуратор одинок и замкнут, а Крысобой несчастен. Пилата напугала эта верная догадка, как и другие ей подобные, однако он нашел в себе мужество признать, что бродячий философ прав. Действительно, Иешуа очень хорошо понимал людей: даже его слова «а ты бы меня отпустил, игемон» были не просьбой, до которой подсудимый не унижился, а очередной догадкой. Проповедник отлично понял настроение своего судьи и высказал свою мысль вслух, как делал всегда.

И действительно, Иешуа готов был поделиться своими мыслями и знаниями с любым, особенно, если тот, как прокуратор, «производил впечатление очень умного человека». Однако расстраивался, когда его слова понимали неверно. Так, прочитав записи Левия Матвея, он умолял: «сожги ты бога ради свой пергамент!» Почему он хотел этого? Может быть, боялся, что в записях найдут что-нибудь предосудительное? Нет, он опасался совсем другого — того, что непонимание приведет к путанице, и «путаница эта будет продолжаться очень долго» и послужит злу. Именно поэтому его больше привлекала возможность говорить с Пилатом, который был достаточно умным и образованным человеком, чтобы его понять, чем с Левием Матвеем, который, по словам того же Пилата, «не усвоил ничего из того, чему он тебя учил».

Так каким же был булгаковский Христос? Искренним, добрым, честным, мудрым и слабым — то есть обладал чисто человеческими чертами: Значит, создается впечатление, что в проповеднике и философе не было вообще ничего божественного. В целом, так оно и есть. Однако есть в его характере одна черта, благодаря которой, возможно, люди и объявили Иешуа святым. Эта черта — милосердие. Проистекала она из его удивительной доброты и веры в то, что «злых людей нет на свете».

Действительно, бродячий философ по прозвищу Га-Ноцри никого не судил за поступки, которые не отвечают его собственным представлениям о добре, и даже за зло, причиненное ему самому. Идя на казнь за свои убеждения, Иешуа сказал, что «не винит за то, что у него отняли жизнь». Таким образом, он никому не причинил зла не только делом,

но даже словом: ведь любым упреком он мог совершить зло, огорчив человека, заставив его мучиться.

Милосердие — вот что отличало этого философа и проповедника от множества других ему подобных. Ведь проповедовать — легко, сложнее следовать своим заповедям самому. Так, можно ли именно эту черту принять за слабость? Ведь не слабый, а только сильный человек может прощать!

Нет, Иешуа действительно слаб: он боится пыток и смерти, он не может противостоять никому, кто пытается причинить ему зло. Однако в его философии есть огромная сила: не зря же ее так боялись Каифа и весь Синедрион. И не зря за ним — за Иисусом — пошли люди, сделав правдой его предсказание о том, что «рухнет храм старой веры». Милосердие Иешуа проистекало не из слабости человека, а из силы его философии.

Таким изобразил Иисуса Христа в своем романе Булгаков — один из самых известных в нашей стране писателей, когда-либо касавшихся этой темы. Его Иешуа Га-Ноцри — не Бог, а обычный человек, и в этом трактовка автора расходится с общепринятой. Значит ли это, что этому образу не следует уделять внимания, что его не стоит изучать? Скорее, наоборот. Булгаков изобразил не просто человека, он показал его с лучшей стороны, таким, каким он должен быть. Мы с полным правом можем назвать его идеалом, примером для подражания. Ведь он никогда никому не причинил зла — и при этом отстаивал свои убеждения. Он был казнен — и при этом смог позволить себе простить своих мучителей и палачей. И эти самые мучители и палачи раскаялись в своем преступлении и стали лучше и чище. Это — главная черта характера булгаковского героя: способность силой слова делать людей лучше, чище и счастливее.